

www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2016-d6c9 (accessed: 11.02.2016).

19. The Secretary General's Annual Report 2015 // The North Atlantic Treaty Organization, 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_06/20150622_PR_CP_2015_093-v2.pdf (accessed: 15.01.2016).

20. Trends in International Arms Transfers, 2015 // Stockholm International Peace Research Institute [Electronic resource]. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=508 (accessed: 01.03.2016)

21. World Economic Outlook report 2016 // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/publications/index.htm> (accessed: 29.09.2015).

Рукопись поступила в редакцию 6 марта 2016 г.

УДК 327.8(470:55) + 327.8(470:536.2) + 325.111 + 378.4

Б. Г. Фаткулин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПО ЛИНИЯМ РОССИЯ – ИРАН И РОССИЯ – ОАЭ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИРАНСКОЙ И ЭМИРАТСКОЙ МОДЕЛЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА С РФ

В статье сравниваются модели взаимодействия между странами Ближнего и Среднего Востока и Российской Федерацией. В качестве объектов сравнения выступают Исламская Республика Иран и Объединенные Арабские Эмираты. Сравнение проводится по следующим параметрам: политическая доктрина, миграционная политика, туризм, финансы, образовательная политика. Автор приходит к выводу о том, что модель сотрудничества по линии Россия – Иран более точно соответствует современному состоянию дел на Ближнем и Среднем Востоке. Глобалистская модель, принятая ОАЭ для сотрудничества с Россией, уже не в полной мере отвечает реалиям современной эпохи и изменившимся внешнеполитическим ориентирам России. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Иран, ОАЭ, «мягкая сила», трудовая миграция, туризм, оффшорные университеты, экспатрианты, зарубежная магистратура, экономические санкции.

В условиях санкций России необходима диверсификация международных связей в различных сферах жизни, а для этого целесообразно рассматривать множественные модели взаимодействия со множеством государств. Модели, сложившиеся в 90-е и нулевые годы, требуют корректировки. Как известно, регион Ближнего Востока представлен несколькими группами государств: среди них Исламская Республика Иран (ИРИ) и нефтедобывающие монархии Персидского залива. Россия стремится развивать отношения со всеми государствами региона, понимая при этом, что к каждой группе стран необходим свой собственный подход. По нашему мнению, изменения в геополитической обстановке на Ближнем Востоке предполагают для России расширение списка новых партнеров.

В экспертном сообществе России существуют различные точки зрения на приоритетные направления взаимодействия со странами указанного выше

региона. На наш взгляд, перспективность развития отношений России и Ирана в российском обществе пока недооценена. Пересмотреть иранско-российские общие горизонты нам поможет сравнительный подход. Сравнение подходов Ирана и ОАЭ к отношениям с Россией, где Россия рассматривается как государство-объект «мягкой силы», поможет выявить новые тенденции межрегионального и межгосударственного сотрудничества. Сравнение проводится по следующим параметрам: политическая доктрина, миграционная политика, туризм, финансы, образовательная политика. Возможно, приведенные в сравнении аргументы подвигнут заинтересованные структуры к пересмотру некоторых спонтанно сложившихся стереотипов в отношении ОАЭ и помогут в положительном ключе взглянуть на новые перспективы в отношениях с ИРИ.

По мнению С. Михневича, классическая модель «мягкой силы» подразумевает следующий алгоритм: «1) экономические успехи страны возбуждают к себе интерес в обществах стран — объектов ее “мягкой силы”; 2) в стране-объекте возникает потребность в изучении модели развития страны, в основе которой лежит ее культура; 3) получают распространение различные элементы культуры страны-субъекта, в ее отношении формируется обширный информационный фонд; 4) происходит изменение восприятия имиджа страны-субъекта обществом страны-объекта (как правило, в сторону улучшения); 5) складываются условия для максимизации “мягкой силы” страны-субъекта» [6].

Для начала рассмотрим, как перечисленные выше параметры для сравнения проявляются в политике ОАЭ. Действительно, за последние двадцать лет усилиями части российского экспертного сообщества, действовавшего через СМИ, было создано определенное реноме для ОАЭ. Согласно этому реноме ОАЭ позиционируется как центр трудовой миграции, финансовый центр, центр туризма и центр образовательных услуг.

Оценивая статус ОАЭ как центра потенциальной трудовой миграции, можно привести слова Д. С. Богатурова: «Коренные жители страны составляют лишь 19 % от всех проживающих в ОАЭ. Арабы из других стран и иранцы составляют 23 % в структуре населения. Самой же большой группой мигрантов являются выходцы из стран Южной Азии — около 50 % населения ОАЭ» [1]. Развивая свою мысль, Д. С. Богатуров приводит следующие данные: «Главным торговым партнером является Индия, на нее приходится 13 % экспорта и 17 % импорта ОАЭ. Это обстоятельство, вкупе со значительной долей индусов среди иммигрантов, позволяет сделать вывод о существенной роли данного государства Южной Азии в развитии федеративной монархии. Стоит добавить, что индийская рупия на протяжении ста лет являлась денежной единицей арабских княжеств Персидского залива» [Там же].

Российский специалист по вопросам миграции А. В. Квочкин пишет: «ОАЭ стали активно привлекать иностранную рабочую силу для обслуживания растущей экономики с 1970-х гг. Сегодня иностранцы составляют, по разным источникам, от 70 до 90 % населения страны. Около 80 % населения ОАЭ — это иностранцы, привлеченные в страну еще в период нефтяного бума. Подавляющая часть мужчин-мигрантов занята на стройках или на работе в портах, женщины работают медсестрами. Местом проживания неквалифицированной рабочей

силы являются специальные лагеря на окраинах городов. Забастовки являются нарушением закона. За драку в общественном месте можно получить пару лет в очень некомфортной тюрьме. Заработок невысок, но при этом обеспечивает прожиточный минимум в стране пребывания и возможность содержания семьи на родине. Многим из рабочих на начальном этапе приходится отрабатывать долг за проезд в ОАЭ, визы, медицинские услуги и услуги посредников.

ОАЭ проводит строгую иммиграционную политику. Иностранец работает в стране до тех пор, пока он нужен своему работодателю. Резидентская виза получается на основании ходатайства работодателя и может быть отозвана в любой момент» [4].

Сделаем оговорку, что высококвалифицированную работу в ОАЭ выполняют преимущественно американские, английские и иногда иные европейские специалисты, люди с высоким уровнем образования и культуры, высоким по отношению к большинству развивающихся стран уровнем доходов. Они живут и работают в значительно более комфортабельных условиях, чем иностранные рабочие-выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Возможно, многие выпускники российских вузов хотели бы также войти в число экспатов на трудовом рынке ОАЭ. Но в этом случае они с большой степенью вероятности становятся частью международного рынка труда и целиком переходят под подданство транснациональных корпораций, теряя связь с Россией, и их возможности работать в интересах своей страны серьезно уменьшаются.

Согласно одной из классификаций туристических услуг существуют два вида туризма: потребительский и культурный. Глянцевые репортажи о шикарной жизни в ОАЭ еще с 90-х гг. стали частью российской туристической журналистики, при этом квалифицированный анализ внутренних проблем ОАЭ отсутствовал. Благодаря политике властей немногочисленные памятники древней истории ОАЭ были дополнены досуговыми объектами, привлекающими состоятельных российских туристов-потребителей: ярмарками, выставками, дорогостоящими инфраструктурными объектами. ОАЭ считается негласной столицей пляжного и шопинг-туризма в регионе. Согласно Д. А. Гусеновой «первый шопинг-фестиваль был организован еще в далеком 1996 г., на него приехало 200 тыс. чел., а сегодня приезжает в 5 раз больше. Здесь часто проводятся распродажи, функционируют первоклассные торговые центры класса “люкс”, проводятся фестивали, в т. ч. Дубайский торговый фестиваль, Фестиваль летних сюрпризов в Дубаи, Абу-Дабийский торговый фестиваль, Шарджинский торговый фестиваль, фестиваль “Торговые дни Рамадана”, Фестиваль бумажного змея и т. п. Проведение фестивалей сопровождается ежевечерними фейерверками, спортивными соревнованиями, скачками, концертами фольклорных ансамблей мира, лотереями, деловыми конференциями и т. д., а к месяцу Рамадан приурочивают ярмарку потребительских товаров» [2].

Таким образом, ОАЭ стал для россиян символом потребления люксовых услуг и дорогостоящего шопинга. Общение российских туристов с гражданами страны происходит через обслуживающий персонал из категории экспатов, языком коммуникации является английский. Пребывание российских туристов в ОАЭ не предполагает прямого общения с коренными жителями страны. Вызванные санкциями скачки курса рубля по отношению к евро и доллару затрудняют оплату

многих услуг. Высокая стоимость пребывания ставит перед россиянами определенный имущественный ценз и отсекает большую часть российского общества от возможностей посетить эту страну.

Периодически возникающие идеи о привлечении инвесторов из стран Персидского залива в Россию входят в противоречие с глобализацией мировой финансовой системы. Банки ОАЭ очень сильно интегрированы в мировую банковскую систему. В плане применения финансовых санкций против России банки стран Залива не делают исключений для российских клиентов. Попытки российских банковских структур участвовать в так называемом «исламском банкинге» пока носят случайный и единичный характер. В России уже были безуспешные попытки создать исламские банки: у «Бадр-Форте Банка» лицензия была отозвана в конце 2006 г., а у дагестанского банка «Экспресс» — в начале 2013 г. [7].

Говоря о перспективах получения образования в ОАЭ, необходимо отметить, что главной чертой обучения иностранных студентов в ОАЭ является его оффшорный характер. Высшие учебные заведения ОАЭ представляют собой вынесенные за рубеж филиалы американских или западноевропейских вузов. По информации М. В. Пучкова, «в этот интернациональный «образовательный оффшор» входят несколько университетов, в частности, университет Аль Гурайр, Американский университет в Дубаи, Университет Азар, Британский университет в Дубаи, Аэрокосмический университет Дубаи, Авиационный колледж, Французский институт моды, немецкие, английские и французские школы, Международная бизнес-школа, Институт Ватта, Университет Махатмы Ганди, Институт менеджмента технологий Дубаи и т. д.» [9]. В Дубае (Арабские Эмираты) создана «Деревня знаний» — свободная экономическая зона, где размещено несколько десятков вузов США, Великобритании, Индии, Австралии и других стран. Продолжение проекта — Дубайский международный академический городок, включающий помимо университетов необходимую инфраструктуру. Языком преподавания, естественно, является английский. Преобладание английского языка в образовательной среде выглядит вполне обоснованным на фоне многочисленной англоговорящей индийской эмигрантской общины и колониального прошлого ОАЭ в рамках сферы влияния Великобритании. Программы для специальностей и образовательные стандарты для обучения иностранцев составляют наемные иностранные специалисты в области менеджмента образования.

Мы согласны с тезисом Н. Синецкого о том, что «такой подход — привлечение университетов из стран с т. н. “инновационной” системой образования — на первый взгляд может показаться вполне удачным. Теоретически получение арабскими студентами образования западного типа в подобных учебных центрах со временем будет способствовать либерализации консервативных в культурном плане арабских обществ. Проблема, однако, в том, что такие центры не могут изменить культурно-образовательную среду арабского общества, которое в целом остается сугубо традиционалистским» [10]. В области подготовки кадров оффшорная система образования ОАЭ призвана готовить из иностранных студентов кадры для работы в условиях стирания национальных границ. Потенциальным местом для трудоустройства выпускников являются крупные транснациональные корпорации, гостиничные и ресторанные сети, посреднические конторы и т. п.

Во многом по причине того, что образовательная система ОАЭ не носит уверенного характера и «заточена» под западные постколониальные стандарты, связи между образовательными системами России и ОАЭ на государственном уровне просматриваются очень слабо. Число магистрантов и аспирантов граждан ОАЭ в российских вузах стремится к нулю. Число совместных статей и цитирование российских и эмиратских специалистов тоже не велики. Упование на английский язык в ОАЭ как на основное средство общения выхолащивает национальные особенности арабоязычных коренных жителей ОАЭ. Отсутствие связей на духовном уровне затрудняет установление искренних и долгосрочных связей между российской и эмиратской интеллектуальными элитами. Кроме того, географическая близость образовательных центров ОАЭ к ваххабитской Саудовской Аравии создает опасность того, что молодые студенты-иностранцы рискуют приобрести идеи, противоречащие российскому традиционному исламу, и стать «своеобразными “агентами влияния” аравийских монархий» [8].

Е. С. Мелкумян отмечает, что «в настоящее время конкуренция между арабскими странами и Ираном возрастает. Вряд ли удастся в кратчайшие сроки преодолеть все те противоречия, которые их разделяют. Главными, как представляется, остаются не только противоречия между Ираном и государствами—членами ССПЗ, касающиеся региональных проблем, таких как Сирия, Ливан, Ирак, но и разделяющее их обоюдное стремление играть ведущую роль в регионе» [5].

С изменением внешнеполитических приоритетов РФ на международной арене роль Ирана в обеспечении стабильности в регионе, прежде недооцененная российской дипломатией, возрастает. В настоящий момент внешняя и внутренняя политика Исламской Республики Иран отличается самостоятельным характером. Иранские государственники настаивают на сохранении ценностей традиционного исламского общества и культуры, выступают за добровольную умеренную автаркию государства на мировой арене. Согласно А. С. Исакову «иранские традиционалисты считают, что реализация принципов рыночной экономики приведет к деградации социума, обострит проявления западного образа жизни» [3].

Сравним подходы ИРИ и ОАЭ к процессам, происходящим в регионе: Иран, как и Россия, поддерживает в Сирии законное правительство Б. Асада и правительственные войска, оказывая им вооруженную помощь, тогда как государства—члены ССПЗ — стоят на стороне так называемой «оппозиции». Иран способствовал участию в сирийском конфликте на стороне сирийского государства и своих союзников в лице представителей ряда шиитских организаций.

Согласно заявлениям иранских политических лидеров и политической доктрине страны Россия стоит в списке приоритетных для Ирана стран. Иран стремится стать полноправным членом ШОС, входит в Совет сотрудничества прикаспийских государств. Список совместного участия России и Ирана в различных межгосударственных объединениях выглядит достаточно внушительно. Сравнивая западные санкции против Ирана и России, российские СМИ говорят об Иране как о стране с особой культурой, успешно преодолевшей санкции и сумевшей в условиях санкций сохранить независимую внешнюю политику.

В отличие от ОАЭ, Иран обладает высокой степенью самодостаточности с точки зрения трудовых ресурсов: высокая рождаемость в стране обеспечила приток

трудовых ресурсов в экономику. Санкции стимулировали импортозамещение и дали Ирану возможность подготовить собственную высококвалифицированную промышленную элиту и прослойку деятелей культуры. Российские специалисты, обладающие пониманием основ иранской цивилизации и владеющие языком фарси, имеют перспективы для успешного сотрудничества с иранской элитой, как инженерной, так и гуманитарной.

Духовная сфера и ее социокультурные ценности являются сакральной частью национальной культуры Ирана. В отличие от ОАЭ, предлагающих только выездной туризм и трату сбережений, в арсенале у Ирана имеются внешние культурные обмены, которые осуществляются путем проведения в России фестивалей национальной культуры, выставок, взаимных обменов культурными и художественными делегациями, совместного обучения студентов, создания за рубежом центров иранской культуры и распространения национального языка. Конечно, в отличие от ОАЭ, Иран не может стать для россиян ни средоточием элитного шоппинга, ни центром туристических услуг по принципу «клиент всегда прав» и «все включено», ни источником рабочих мест для космополитичных экспатов. Однако некоторые подходы Ирана к развитию сотрудничества с Россией в нынешней обстановке могут показаться намного более эффективными.

Продвижение персидского языка в России, проводимое иранскими структурами в сотрудничестве с российскими вузами, соответствует одному из главных постулатов мягкой силы: «Одним из основных средств проникновения в культуру страны, улучшения ее понимания является изучение языка страны-субъекта. Одновременно популяризация языка страны-субъекта может сама по себе служить маркером эффективности политики “мягкой силы”: если есть интерес к стране, ее культуре, то и число лиц, изучающих язык, постоянно увеличивается» [6]. Английский же язык, главенствующий в ОАЭ в сфере общения с иностранцами, в данном случае нивелирует национальную идентичность этой страны.

Отличительной чертой Ирана является то, что страна работает с Россией не только на уровне столиц, но и на уровне регионов: специальность «персидский язык» открыта в ряде вузов Центрального, Кавказского, Южного, Уральского и Приволжского федеральных округов; ежегодно среди российских студентов-иранистов проводится олимпиада по персидскому языку; российские преподаватели-иранисты регулярно выезжают в Иран на курсы повышения квалификации при ведущих иранских вузах; в российских городах проводятся концерты иранской классической музыки, показы призовых иранских художественных фильмов; произведения иранских авторов переводятся на русский язык; многие граждане Ирана получают степень бакалавра и магистра в российских вузах. Таким образом, иранцы заинтересованы в прямых контактах с гражданами России, проявляя гораздо большую энергию, нежели утопающие в роскоши жители Залива.

Вместе с тем и здесь существуют определенные проблемы. Так, при отборе кандидатов-иранцев на обучение по магистерским программам российских вузов далеко не всегда проводится конкурс, позволяющий выявить наиболее перспективных абитуриентов, что в последующем усложняет адаптацию иранских студентов к российской вузовской системе. Кроме того, высок уровень бюрократии при взаимодействии всех вовлеченных в процесс ведомств.

Информационная работа Ирана по освещению позиции иранского правительства через русскоязычные иранские СМИ (*irib.ir*) в настоящее время включает: 1) ежедневное дневное направленное освещение внешнеполитических шагов Ирана на международной арене; 2) развитие прямых контактов с иностранной аудиторией посредством системы обменов, программ научных стипендий, что позволяет гражданам России лично знакомиться со страной. Иран неуклонно повышает количество кадровых иранцев-россиеведов, владеющих именно русским языком. Безусловно, положительным явлением могла бы стать активизация сообществ выпускников граждан Ирана из вузов России и СНГ. Тем не менее пока эти совместные усилия России и Ирана довольно фрагментарны и бессистемны.

Таким образом, исповедуемая иранцами модель сотрудничества по линии Россия — Иран более точно соответствует современному состоянию дел на Ближнем и Среднем Востоке и той роли, которую Россия играет в этом регионе. На наш взгляд, иранский подход к развитию отношений с Россией имеет много общего с китайским подходом и в нынешней обстановке является более продуктивным.

Объединенные Арабские Эмираты, на наш взгляд, остаются же на прежних позициях, используя устаревшие подходы, не отвечающие веяниям времени. Между ОАЭ и Россией преобладают связи в отдельных, достаточно узких сегментах экономики, политические связи на горизонтальном уровне отсутствуют. Космополитичная, англоязычная и глобалистская модель сотрудничества ОАЭ с Россией несет на себе отпечаток 90-х гг. и уже не в полной мере отражает реалии современной эпохи и изменившиеся внешнеполитические ориентиры России.

Безусловно, обе рассмотренные модели имеют право на существование. И та и другая модель найдут своих сторонников в России. Нашей целью было не противопоставление этих моделей друг другу, а выделение их отличительных черт. Граждане России вправе выбрать себе ту или иную модель в зависимости от их желаний, способностей и возможностей, при этом мониторинг, оценка и сравнение разных моделей и их продуктивности по-прежнему не теряют актуальности.

---

1. *Богатуров Д. С.* Государства Персидского залива в XXI веке: социально-экономическое положение // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5–2.

2. *Гусенова Д. А.* Развитие туризма как отражение процессов либерализации стран Аравийского полуострова // Исламоведение. 2015. № 2.

3. *Исаков А. С.* Фракционистское измерение политики памяти в Иране: концептуальные основы // Дискурс-Пи. 2015. Т. 3–4.

4. *Квочкин А. В.* Мигранты и коренное население: взаимная выгода и мирное сосуществование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2014. № 8–1(46).

5. *Мелкумян Е. С.* Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближнего Востока и Персидского залива // Вестн. РГГУ. 2015. № 11.

6. *Михневич С. В.* Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 1.

7. *Нагимова А. З.* Арабский капитал в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. 2013. № 3(47).

8. *Пасандиде Сомайе* (Исламская Республика Иран). Салафиты и борьба с радикализацией в России // Власть. 2014. № 4.
9. *Пучков М. В.* «Образовательные офшоры» и современные принципы развития университетских комплексов // Академ. вестн. УралНИИпроект РААСН. 2010. № 3.
10. *Синецкий Н. С.* Традиции и новаторство в культуре арабской цивилизации (на примере системы образования) // Вестн. ЧГАКИ. 2013. № 2 (34).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 327.7 БРИКС + 316.4.063 + 332.135

Е. Б. Михайленко

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ БРИКС

В современном мире процессы построения региональных интеграционных проектов становятся популярным явлением. Появляются новые внерегиональные интеграционные проекты. В статье анализируется новый тип региональных интеграционных проектов на примере БРИКС. Автор статьи предлагает свою интерпретацию кластеров теоретических подходов регионализма: «старый», «новый» и «сравнительный», а также выделяет основные типологические черты современного регионализма. По мнению автора, альтернативный тип регионализма на примере БРИКС является новым явлением и обладает определенными характеристиками, которые надо учитывать при выстраивании внешней политики РФ.

Ключевые слова: сравнительный регионализм, альтернативный регионализм, интеграция, БРИКС.

Российская Федерация участвует в серии региональных проектов, включающих как страны бывшего СССР (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС), так и страны за пределами постсоветского пространства (ШОС, БРИКС). Участие России в региональных проектах с новыми партнерами (КНР) и внерегиональными партнерами (Индия, Пакистан, ЮАР, Бразилия) вызывает большие надежды политической элиты России [11, 13]. Участие России в БРИКС является одним из важнейших приоритетов внешней политики РФ. Однако станет ли этот новый и перспективный проект эффективным и принесет ли ожидаемые дивиденды России?

Отправной точкой анализа для большинства экспертов, изучающих БРИКС, является аналитика экономического агентства Голден Сакс и, в частности, отчет агентства 2003 г. под названием «Мечтая вместе с БРИКС: дорога к 2050» [24], в котором утверждается, что в течение следующих 50 лет страны БРИКС могут стать серьезной экономической силой в мире, их ВВП может стать выше, чем ВВП стран «Большой шестерки».

Современные работы, посвященные БРИКС, представляют своего рода диалог с аналитикой Голден Сакс и рассматривают современное состояние экономик стран-участниц БРИКС [37]. На фоне нынешнего экономического кризиса появилось множество исследований, посвященных закату БРИКС. В работе М. Дего